

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК **НОВАЯ ЭРА**

Цикл
Владислава Конюшевского
БОЕВОЙ 1918 ГОД

Боевой 1918 год
Боевой 1918 год. Длинные версты
Боевой 1918 год. Комбриг

ВЛАДИСЛАВ КОНЮШЕВСКИЙ

**БОЕВОЙ
1918 ГОД
КОМБРИГ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К65

Серия «Фантастический боевик. Новая эра»

Выпуск 17

Иллюстрация на обложке *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Конюшевский, Владислав Николаевич

К65   Боевой 1918 год: Боевой 1918 год. Комбриг: роман / Владислав Конюшевский. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2022. — 352 с. — (Фантастический боевик. Новая эра).

ISBN 978-5-17-149125-3

Чур уже вполне освоился в прошлом. Многого достиг, превратившись в героя войны с тевтонцами, о котором пишут как социалистические, так и буржуазные газеты. Но далеко не всем нравится проводимая им политика. И когда «старые большевики» пытаются ему указать на неверность поведения, то прагматичный командир подразделения морской пехоты, недолго думая, просто отдает настойчивых советчиков под трибунал. Только в Москве этот арест вызвал сильнейшее недовольство, и непредсказуемый краском был срочно вызван в столицу. Что его там ждет и чем закончится противостояние с «заслуженными революционерами», читайте в этой книге.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-149125-3

© Владислав Конюшевский, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

Опираясь на деревянный брус, закрепленный поперек двери теплушки, я слушал ставший уже привычным редкий перестук колес, разглядывая чинно проплывающие мимо пейзажи. Тем более что неинтересная степь уже закончилась и пошло разнообразие. То роща, то поля, то речка, то виднеющаяся вдалеке деревня. Да и просто стоять вот так, ловя лицом не сильный встречный ветерок, было приятно. Ну, правда до тех пор, пока паровозный дым не начнет задуть в вагон. Тогда вся окрестная пастораль моментально приобретает кисло-едкий привкус сгоревших в топке дров, и дверь лучше прикрыть, зафиксировав веревкой, оставив узкую щель. А то теплушка может быстро превратиться в газенваген.

Хотя сам вагон нам достался, можно сказать, со всеми удобствами. Не просто, где «сорок человек или восемь лошадей», а прямо-таки люкс. Треть пространства была отгорожена дощатой перегородкой с дверью. Там были установлены нары и печка-буржуйка. В дальнем углу присутствовала дырка в полу, для отправления естественных надобностей. Что еще нужно для полного счастья? Только если воды на станции набрать. И самое главное — нет той толчеи, что происходит в пассажирских вагонах поезда. Правда, буквально на каждой крупной станции

приходилось закрывать двери, пытаясь отсечь поток желающих проехать по железке. А то поначалу к нам пару раз пытались влезть какие-то хмурые мужики с огромными мешками. И не просто влезть, а еще и права покачать. Лишь сунутый под нос ствол заставлял глухо матерящихся коробейников убраться.

Хотя в Ростове мне предлагали для путешествия вагон какого-то из великих князей. С бархатом, медью и позолотой внутри. Но к нему прилагалось два услужливых проводника, поэтому пришлось заявить, что у меня с собой лошади, в связи с чем царские апартаменты исключаются. Вот и получил сию теплушку. Только не надо думать, что я внезапно проникся идеями равноправия и, движимый аскетизмом, с негодованием отказался от комфортной роскоши. Хрен вы угадали. Меня напрягали те самые улыбочивые проводники. А я с момента получения телеграммы от ВРИО председателя СНК не доверяю никому, кроме своих парней. Просто если у кого-то хватило ума и возможностей сотворить «липу» на таком верху, то неизвестно, чего от них вообще ожидать можно. Поэтому зачем мне нужны возможные шпионы под боком?

Дело в том, что вроде бы совершенно нормальная правительственная телеграмма была отправлена без необходимых меток. Для того месяца и того дня в настоящем послании должно присутствовать слово «звезда» в любом контексте и точка с запятой в конце. Их не было, а значит, телеграмму послал не Жилин. При посторонних я не показал вида, что... хм... несколько взволнован, но уже в расположении батальона выложил свои сомнения мужикам. Комиссар моментально «упал на измену» и, переполошившись, вообще настоятельно рекомендовал

никуда не ехать. От избытка чувств нахватавшийся морского сленга Лапин выдал:

— Твою мать... в клюз... через колено... в центр мирового равновесия... Да ты... Да они... — после чего, немного придя в себя, слегка поуменьшил экспрессию: — Ты совсем е...? В смысле — с ума сошел? Не понимаешь, чем это закончится? Тебя же просто убьют! Ведь мы даже не знаем, на каком уровне произошло предательство и кто это тебя таким хитрым способом выманивает!

Примкнувший к нему Буденный (еще тот знаток общенной лексики), уважительно кивавший во время комиссарского спича, тут же орально поддержал однополчанина. При этом будущий маршал внес некий конструктив, добавив в витиеватые обороты не просто предостережение от поездки, а настаивая на немедленном подключении к делу чекистов.

Выслушав коллег, я ухмыльнулся:

— Ну так уж и не знаем... А если подумать? Кому мы буквально наемни оттоптали нежные демократические гениталии?

Кузьма, пару раз мигнув, тряхнул головой, ошарашенно произнес:

— Да нет... Не может быть... Это же наши товарищи... Неужели они посмели... Но зачем?!

Я фыркнул:

— Что за женские вопросы? «Зачем?» Просто граждане из военной оппозиции, получив послание от своих людей о том, что произошло в батальоне, подняли волну. Ведь их делегатов чуть не шлепнули, а «донна Роза» так вообще под вышкой ходит. В плену, можно сказать. Вот в «товарищах» говно и вскипело, после чего они пошли на подлог, направив нам фальшивое сообщение.

— Зачем?!

— Да просто. Ведь надавить на меня можно только через Жилина. А надавить не получится, так как он их сам не переваривает. Плюс у нас на руках есть решение трибунала. Но вот если меня в Москве арестовать, то Чура можно будет легко обменять на Розу. Или даже не сразу менять, а для начала тоже засунуть под трибунал. Но уже состоящий из своих людей.

Семен пожал плечами:

— Тогда вообще не вижу смысла так рисковать. Я же говорю — подключить чекистов и послать телеграмму товарищу Жилину. Пусть они разбираются...

Махнув рукой, я злобно ответил:

— Они там уже разбирались. Долго разбирались. Дискуссии, мля, вели. Договориться пытались. Без толку... И ладно бы если эти теоретики просто в своем котле варились. Хрен бы на них. Но ведь они в войска агитаторов засылают. Вот в чем проблема! Поэтому считаю, что подобные начинания надо давить в зародыше. И вот эта телеграмма, а также факт возможной попытки ареста легендарного комбата, мне развяжет руки. В общем, как говорил один веселый человек: «Сядут усе!»

Комиссар, задумавшись, выразил сомнение:

— А вдруг это не они? Вдруг это вообще беляки? Или еще кто...

Придав саркастичности взгляду, я отбил выпад:

— Угу! Ты еще скажи — немцы! Не-е... печёнкой чую, что это наши «товарищи» постарались. Да и по времени подходит. Та сладкая парочка в коже как раз успела добраться до Ростова и дать паническое сообщение. Вот их руководство и приняло меры. — Тут я вспыхнул: — Биомать! Мудаки ссыкливые!

Значит, решили, пока руководство не в курсе, пропихнуть свои идеи. А когда поняли, что это не просто не получилось, а они знатно обосрались, начали дергаться и усугублять.

Буденный, выслушав меня, нахмурился и, потрогав остатки былой роскоши над верхней губой, решительно сказал:

— Я с тобой поеду.

Пришлось возражать:

— Нет. Ты за старшего остаешься. Поедем мы с Бергом. — И предупреждая готового вскинуться Лапина, продолжил: — Для всех — едут только двое. С торжественными проводами и маханием платочками. А автоматчики охраны, через наших контрабандистов, наймут какое-нибудь суденышко и поплывут отдельно. В Таганроге встретимся. Просто есть у меня подозрения, что в Крыму наверняка присутствуют люди из оппозиции, которые должны проследить за Чуром. Проследить и доложить своим, что да как. И не надо делать большие глаза. Не зря же Григоращенко на трибунале напомнил, что еще четыре месяца назад наши матросики такими же долбанутыми были...

В общем, мужиков я убедил. Удалось даже отбиться от их требований взять с собой побольше людей. Смысла в этом не было, так как одиннадцать автоматов на ближней дистанции, если надо, создадут такой вал огня, который местным и не снился.

А потом мы вдвоем загрузились на корабль. Парни же поплыли (хм, не поплыли, а пошли...) в Таганрог на нанятой фелюге. Оттуда в одном поезде, но раздельно, добрались до Ростова. И теперь я парней, смеясь, называл «лошадьюми», так как в военной администрации города затребовал теплушку, аргу-

ментировав требование именно наличием у меня четвероногого транспорта. Ну а дальше просто дело техники. Автоматчики тайно проникли в вагон, двери прикрыли — и вот мы уже второй день в пути.

Пока я курил, ребята организовали перекус, тронувший меня за плечо Чендиев отвлек от медитативного процесса созерцания:

— Командыр. Пошли кушат.

Да-да. Оставить абрека в Севастополе не получилось. На Магу не действовали никакие аргументы. Хитрый «чех» за это время обеспечил самыми разнообразными ништяками весь свой аул (там, по-моему, и на ближайšie окрестности хватило), поэтому считался в горах весьма уважаемым человеком. Прямо как в той песне — «Тофик умный и отважный, потому что деньга накопил». Хотя, в отличие от фольклорного «Тофика», смелости Магомеду реально не занимать. Да и польза от него вроде и незаметная, но вполне ощутимая. Поэтому жестко приказывать оставаться в расположении не стал. Просто пояснил, что в Москве нам точно никакие трофеи не светят. Что у нас, скорее всего, получится исключительно карательный рейд. Но Чендиев отреагировал в своей неожиданной манере:

— Наказат тэх, кто на Тшура коса сматрэл, это хорошо. Точно надо с тобой иду! Твой враг — мой враг.

Вот и вышло, что в столицу нас едет в общей сложности пятнадцать человек. Все входили в подразделение охраны. Причем каждый отобран лично и скрупулёзно. Мне ведь с этими ребятами очень долго (как я надеюсь) по всему земному шару таскаться. Поэтому при вербовке учитывалось всё — и общая авантюриность характера, и привычка держать язык за зубами, и решительность действий

в сложной обстановке, и умение работать как в группе, так и в одиночку. Да там все качества перечислять запарисься. Но самое интересное (тут уж я сильно постарался), что парни, даже в нашей пропитанной самой различной агитацией атмосфере, оставались достаточно аполитичными. Даже где-то циничными. Однозначно присутствовала личная преданность командиру, а вот в остальном... Для ребят «своими» могли быть и офицер, и боец красного отряда, и простой обыватель. То есть при общении с людьми они смотрели не на классовую принадлежность, а на суть человека.

Хотя в каждом из бойцов эта жилка — жить и судить об окружающих по справедливости — изначально присутствовала. Вот тот же Федор Потапов с Демидом Носовым и остальными приятелями-дембелями пришли на помощь практически незнакомому человеку, помогая мне завалить охреневших от безнаказанности анархистов на станции.

Но, наверное, надо представить всех. Помимо Берга, Потапова и Носова, было еще трое студентов. Михаил Федосов, Алексей Журба и Дмитрий Потоцкий. При этом вся троица из Киевского политеха. Федосов с механического отделения, а Журба с Потоцким с инженерного. Свалили из Киева к родителям в Ростов, когда «небратья» объявили о создании своей республики. Точнее, когда на небольшом митинге в институте схлестнулись с апологетами идеи украинства. Где в бурной дискуссии и доказали их неправоту. Панове, собрав зубы с пола, мрачно пообещали устроить месть. Студенты, не став дожидаться осуществления обещанного (тем более что националисты просто избиением бы не ограничились), покинули город.

Потом уже, в Ростове, наслушавшись моих выступлений, записались в батальон. Где я их и приметил. Парни — оторви да выбрось! Как их за все художества раньше не выперли из института, не представляю. Может, потому что они, при всем своем бардачном отношении к жизни (чем сильно напоминали современных мне студюзов), были очень грамотными ребятами? Во всяком случае, уже сейчас хлопцы советом и руками активно помогали в модернизации нашей техники при работе на заводе.

В «ближниках» охраны присутствовал и бывший офицер. Подпоручик из драгун — Андрей Василенко. Виртуоз сабельного боя, у которого и мне было незачем поучиться владению длинноклинковым оружием. А то с ножами давно могу обращаться, но вот с саблями как-то не приходилось... Два моремана-сигнальщика: Вячеслав Соболев с Иваном Кутиковым, тоже пришлось в тему. Сильные и ловкие будто пришли не с железных коробок, а с парусного флота, где постоянно по вантам бегать надо. При этом Кутиков, без всяких модификаций, обладал ночным зрением, почти не уступающим моему.

Еще была пара крестьянских парубков из казачьих станиц — Леха Пузякин (худой и длинный парняга с широкими словно лопата ладонями) и шустрый, словно капелька ртути, Богдан Ерема (если что Ерема — это фамилия). Ну а завершали «чертову дюжину» Борис Ивлеев — рукастый паренек с Путиловского, которого я выделил среди пришедших к нам людей Лапина, и Сергей Приштин (в девичестве Соломон Рубинчик) — «дважды угнетенный». Серега получил это прозвище, потому как относился к выкрестам. Папа его, исходя из каких-то внутренних убеждений, внезапно решил сменить веру

и, забив на Тору, перекинулся в православие. Вот и получилось, что их семью сначала гоняли в местечке — за превращение в гоев, а потом, после переезда, их же гоняли в городе, но уже как жидов. В результате чего Сергей вырос крепким, драчливым, но не сломленным. У человека был один минус — к евреям Приштин относился просто с огромным предубеждением. Но умел сдерживать порывы души, поэтому прижился.

Что еще сказать за охрану? С ними я дополнительно занимался практически каждый день, и бойцы получились — огонь. А главное — мы все как-то даже мыслили на одной волне, что в целом тоже сильно способствовало душевному равновесию. Нет, у меня все подчиненные в батальоне просто орлы, только вот за ними, как и за любыми солдатами, надо постоянно присматривать, дабы чего не учудили. Но это вполне понятно и привычно. У нас в Афгане с личным составом та же фигня происходила. Нет, не в бою. Там косяков практически не случалось. Зато по возвращении в расположение... Толпа молодых мужиков, пусть даже в умат уставшая после выхода, способна на такие выходки, что уму непостижимо. Не зря говорят — солдаты те же дети, только с большими членами. Вот мы и куролесили, доводя своих офицеров до седых волос. Разумеется, не нарочно, а вследствие отсутствия мозгов и присутствия огромного шила в заднице.

Но с десятком охраны все получалось несколько по-другому. С ними взаимоотношения строились, словно с офицерской группой спецназа. Нет, и они учудить могут, но в меньшей степени и с гораздо меньшей частотой. Во всяком случае, окоп для «стрельбы стоя с лошади» рыли всего два раза.

Поэтому сейчас, принимая у хозяйственного Богдана тарелку, я кивнул и, усевшись на нары, отдал должное каше. Пока ел, состав очередной раз остановился. Выглянувший в дверь Журба оповестил:

— Опять на семафоре встали. — И цыкнув зубом, добавил: — Когда только доедем? Это же не езда, а ёрзанье. Каждые полчаса останавливаемся!

Тут он прав. Вот эти — дерг (вагон), блям (цепка) уже достали. С другой стороны, хорошо, что вообще доехали, а то вчера сказали, что с путями что-то случилось и мы из-за этого ушли на другую ветку. Поэтому прибытие будет не на Казанский, а на Брянский вокзал. Но это все мелочи. Главное — едем. С удовольствием потянувшись, я ответил:

— Да вон, похоже, окраины уже видны, так что скоро на месте будем.

После чего подхватив оставшиеся полбулки хлеба и отпластав кусок от шмата сала, спрыгнул с теплушки на насыпь. Похрустывая редким гравием, прошел вперед до пассажирского вагона и, повернувшись к нему спиной, ударил каблуком по угольному ящику:

— Эй, сова! Открывай — медведь пришел!

В ответ тишина. Но я не успокаивался:

— Мурзилки, не тупите. Паровоз скоро поедет, а вы без шамовки останетесь. У меня тут хлеб белый с салом...

Под вагоном зашебуршало, и на свет божий появилась перемазанная угольной пылью мордаха пацана лет двенадцати. Он недоверчиво окинул меня взглядом, но, заметив продукты в руках, прищурил глаз:

— Чегой-то это ты, дядька, нас словно голубей подманиваешь? Али еды у тя завались? Али жалостливый такой?

Я мотнул головой:

— Нет. Дело есть. А это... — качнув в руке булкой, продолжил: — Задаток.

Мальчишка появился весь и, унюхав запах сала, гулко глотнув, деловито спросил:

— Чё надоть? Токмо сразу скажу, что у нас содомитов нема. Но ежели на стреме постоять надоть, то мы завсегда...

Пришлось успокоить:

— «Бугры»¹ не интересуют. А надо, чтобы вы, когда поезд на вокзал приедет, посмотрели, кто в наш вагон зайти захочет. Ну и нам рассказали.

Мурзилка тряхнул головой:

— Не понял. А сами-то чё? Глаза закроете, шоб их не видать?

— Нет. Мы раньше выйдем. Ну а вы глянете, кто на вокзале в теплушку ломиться станет. И если получится проследить, куда они потом пойдут, то помимо жратвы, еще и деньгами накинута.

— Скока?

— Десять рублей дам.

Беспризорник шмыгнул, вытерев нос рукавом, и, показав в улыбке контрастно-белые на черной физиономии зубы, ответил:

— Вот теперича понял. А ежели не получится проследить?

Я пожал плечами:

— Тогда только два фунта белого хлеба и фунт сала. Мы вас ждать на площади будем. С той стороны, где башня с часами. Знаешь, где это?

Собеседник утвердительно кивнул:

---

¹ Одно из жаргонных названий гомосексуалистов в начале века.

— Знаю. Ну ладноть. Заметано! Токмо ситный с салом вперед!

Сунул ему задаток, но мелкий прохиндей попробовал возмутиться:

— Э-э! Всё договоренное давай! А вот десять рублёв потома.

Я ехидно ухмыльнулся:

— Лохов на рынке поищи. Сладишь дело, тогда и рассчитаемся.

Ничуть не расстроившийся пацан хмыкнул:

— Ну и ладноть... Долго вас ждать-то?

В этот момент паровоз свистнул, и я торопливо ответил:

— Давай грузись обратно. — А когда мелкий нырнул на свое место, добавил: — Ждать недолго. Всяко-разно не больше часа.

После чего, дождавшись, когда мимо начнет проплывать наша теплушка, заскочил внутрь.

Там мужики ждали окончания беседы. Коротко пересказав им содержание переговоров с деструктивным элементом, опять присел на нары и задумался. Ну да — сглупил я. Сглупил! В тот момент, когда думал: «Десять автоматических стволов! Всех запугаем», башка соображала не в ту сторону. Запугать автоматом, конечно, можно. Но лишь того, кто знает, что это такое. А кто не знает? Тут ведь людям лишь про пулеметы известно. Да и не в этом дело...

Ведь как себе представлял — противникам известно, что мы едем вдвоем. То есть для возможного ареста выделяют четыре-пять человек, не больше. Представлялась картина — вот они к нам подходят, такие уверенные в себе, и предлагают сдать оружие. Но их, в свою очередь, окружают десять неулыбчивых рыл. После чего врагов нежно берем за кадык

и предлагаем препроводить к начальству. И уже там всех лихо ставим раком. Может даже со стрельбой в том здании, где у них гнездо (тем более что особо жалеть мудаков из военной оппозиции я не собирался).

Но что же получается в натуре? Посмотрев, как всё происходит на крупных станциях, и пообщавшись с проводниками, я сильно приуныл. В той же Москве, при прибытии поезда, на перрон выходит человек двадцать бойцов из комендантской роты, которые стоят в оцеплении и помогают при проверке документов пассажиров, заодно отслеживая разных подозрительных типов. Вот и что у нас получается? Те, кто нас попросит сдать оружие, наверняка знакомы солдатам из оцепления. Хотя бы потому, что они заранее их предупредят о своих действиях и покажут мандат. И как тут сопротивляться? Нас ведь никто не знает. А документам, вполне возможно, далеко не сразу поверят. Поэтому бойцы бросятся помогать вязать приезжих бузотеров без всяких раздумий. Но уж если стрелять начнем, то там вокзала трупов сложится, и Чур из ангела моментально превратится в распоследнего черта.

Исходя из этого, было принято решение ссаживаться с поезда не на вокзале, а на подъездах к нему. Ну и как вариант мелкой пакости — решили все запереть. В теплушке есть две двери и два окна. Вернее, два небольших оконных проема без стекол, но с деревянной ставней, запираемой на щеколду. Двери тоже могли закрываться на накидные крючки. Солидные такие — с палец толщиной. Поэтому фиг дверь откатишь, пока они закрыты. То есть, пока вагон будут пытаться вскрыть (а это время), мы рассчитываем успеть прибыть на привокзальную пло-

шадь, где беспризорники нам укажут, кто конкретно пытался проникнуть внутрь.

В общем, обсудив вчерне план, стали готовиться. А когда уже перед самым въездом в город остановились на очередном семафоре, то неспешно десантировались, переместившись на тормозную площадку. Правда, там оказалось настолько тесно, что, когда я влез на ступеньку с левой стороны, справа на насыпь чуть не выпал Федосов. Да и с дверью пришлось маленько потрепыхаться, соображая, как же сделать так, чтобы приподнятый крючок в момент закрытия упал в проушину. Но подперли его щепочкой, и все получилось. Ну а потом, стоя на площадке, поехали дальше.

Мимо проплывали какие-то сараи, амбары и, не побоюсь этого слова — лабазы. Черные бревенчатые дома с разновысотными заборами. Какие-то (судя по куче бочек) бондарные мастерские. В общем, Москву я не узнавал категорически. Во всяком случае, с этого ракурса. С другой стороны, а чего я хотел? ТГК «Киевский» увидеть или «Рэдиссон Славянскую»? Хорошо еще, что, когда состав сбавил ход до скорости бегущего трусцой человека, разглядел впереди характерную башенку и арочное покрытие перрона Брянского вокзала. Разглядел и скомандовал своим:

— На выход, братва!

Высадка не вызвала вообще никаких затруднений, и вскоре мы бодрым шагом шагали по дороге, ведущей к привокзальной площади. Шли не толпой, а строем, ибо ничто так не маскирует вооруженных людей, как самое обычное передвижение в колонне. Идут себе бойцы куда-то, значит, так надо. К тому же мы даже замаскировались, сменив приметные береты на самые обычные солдатские фуражки. О го-

ловных уборах я позаботился заранее именно с той целью, чтобы можно было передвигаться по городу, не бросаясь в глаза. О них и о красных повязках, скрывающих морпеховские шевроны. А что касается остальной формы, так сейчас бойцы в чем только ни ходили, поэтому наша выгоревшая «афганка» особого внимания не привлекала.

При этом почти на подходе к месту встретили патруль. Но так как я сам к ним подошел, уточняя дорогу до вокзала, то у нас даже документы не попросили. И даже если бы и спросили, то ничего страшного — с бумагами был полный порядок. Включая командировочные и продовольственные аттестаты.

Успели мы очень даже вовремя. К этому времени еще не все пассажиры успели разойтись и разъехаться. Остановившись с краю площади, возле какой-то скобяной лавки, наблюдали, как мешочники, ругаясь, делят телегу с ломовой лошастью. Последние извозчики увозили припозднившихся пассажиров, и вскоре привокзальный майдан почти опустел. А я, кивнув в сторону стоящего неподалеку грузовика «Гарфорд» с будкой, предположил:

— Интересная бибика. Давай-ка на всякий случай поближе подтянемся.

Берг удивился:

— Э-э... зачем?

Еще раз оглядев округу, я уверенно пояснил:

— Просто прикинул — если захотят арестовать прямо здесь, то брать нас приедут не два человека. А где-то четверо-пятеро. Да и задержанных в чем-то везти надо. То есть должно быть как минимум две пролетки. А то и все три. Или что-то такое, куда сразу влезут шесть-семь человек. Например, грузо-

вик. Из транспорта я наблюдаю лишь телегу, возле которой коробейники свару устроили. И «Гарфорд». Значит что? Правильно! Идем к машине. Там и будем ждать.

Барон хмыкнул, но, уже двигаясь вместе со всеми, предположил:

— А если они вообще пешком пришли?

— Вряд ли. Только в любом случае под деревьями стоять лучше, чем на солнце...

Пока парни устраивались в тенечке, сам пошел к башне, возле которой увидел знакомого беспризорника. Тот, заметив меня, улыбнулся и, с достоинством потягивая найденный окурок самокрутки, двинул навстречу. Вот ни дать ни взять — агент ноль-ноль семь, блестяще выполнивший задание. Правда, от агента сильно пованивало, и он слишком уж по-жигански стрелял глазами, но это уже дело десятое. Главное было в том, что пацан рассказал.

А поведал он про то, как четверо с маузерами и в кожанках сначала стояли отдельной группой возле нашей теплушки. В это время солдаты оцепления выборочно проверяли документы у приехавших. Потом кожаным надоело ждать, и они стали стучать в двери вагона, требуя их открыть. Что случилось позже, мурзилка не знает, так как их компанию солдаты попытались поймать (точнее, просто шуганули), и беспризорникам пришлось ретироваться с вокзала.

Понятливо кивнув и отдав информатору честно заработанные продукты, сам прошел в здание. После яркого солнца внутри было сумеречно и прохладно. Пахло довольно своеобразно — словно в метро в восьмидесятые. То есть откуда-то тянуло креозотом с легкой примесью машинной смазки.

Правда, в эти технические запахи неуловимо вплелась вонь мочи. Но на других виденных вокзалах еще и говнецом всюду тянуло, так что тут, можно сказать, цивилизация. Общая архитектура самого здания осталась почти без изменений. Те же здоровенные окна с витражами, те же арочные перекрытия в переходах. Разве что убранство победнее. Часов над переходами не было. Люстры совсем другие. Стены какие-то темные. Везде гнутые деревянные лавки. С другой стороны, чего еще ожидать? Пластиковых кресел и информационных панелей? Зато лично мне понравилось множество самых разнообразных латунных деталей интерьера. Но особо долго головой вертеть времени не было, поэтому, пройдя в сторону выхода на перрон, хмыкнул, оглядев увиденное, и спросил у стоящего тут же мужичка с винтовкой:

— А чё тут за суета? Приключилось чего?

Посмотреть было на что. Все пассажиры рассосались, но шевеление не прекратилось. Кожаные, видно отчаявшись забодать двери безмолвного вагона, решили включить мозг. И сейчас двое из них с дальнего края перрона тащили длинную лестницу. Один продолжал вяло постукивать по двери теплушки, требуя, чтобы упрямая избушка повернулась к нему передом. Еще один (видно, старший) ругался с толстеньким обладателем железнодорожного мундира. Тот громко голосил, требуя прекратить незапланированные развлечения на перроне, так как надо убирать состав. Общего оживления добавляли проводники, которые, лузгая семечки, с интересом наблюдали за представлением, и бойцы, пытающиеся загнать любопытствующих пассажиров в здание вокзала.

Мужик же лениво глянул на меня и, поправив винтовку, ответил:

— Не-е... Грят, там какие-то мазурики прикати-ли, один из которых себя аж за самого Чура выдаёт. Вот их и пытаются из вагона ковырнуть. Токмо сда-етси, тама никого нетути, а энти дурни зазря копо-шатся... — Тут он, не выдержав, громко прокоммен-тировал действия кожаных: — Ты еще башкой туды стукани! Дверка-то и отворится!

Я, коротко хохотнув, поинтересовался:

— А лестница им на кой?

Боец предположил:

— Дык, наверное, на крышу хотят забраться и от-тель уже окошко попробовать выбить. Там и доска потоньше, и запор должен быть похлипче...

Я уважительно протянул:

— Офигеть, страсти какие...

И кивнув на прощанье, двинул к выходу, по-путно обдумывая, что противник все-таки хорошо подготовился. Не зря же этот мужик сказал насчет мазуриков, один из которых будет выдавать себя за Чура. То есть скорее всего было так — кожаные при-ехали на вокзал. Показали свои документы. Пред-ставились начальству да переговорили с личным составом, по поводу помощи во взятии наглого самозванца. И даже если бы я начал размахивать бума-гами, вопя, что «аз есмь», мне бы никто не поверил. Спеленали бы толпой как миленького. Так что мы очень правильно сделали, вовремя смывшись с по-езда.

Выйдя из здания, прищурился от яркого солн-ца и пошел к своим ребятам. Коротко переговорив с ними, направился к «Гарфорду». Развалившийся в кабине шофер по привычке всех водителей мирно

кемарил, надвинув на глаза фуражку, и подпрыгнул, когда я тронул его за плечо:

— Эй, товарищ, подъем.

Тот, поправив головной убор и окончательно просыпаясь, недовольно спросил:

— Чего надо?

На что я спокойно ответил:

— Да ничего особенного. Просто я с вокзала. Там твои товарищи каких-то хмырей прищучили, но те в вагоне закрылись. А пути освобождать надо. Поэтому паровоз состав потянет туда, где теплушку отцепят. Это во-он там. За пакгаузами. Ну и тебя попросили сразу на место подъехать.

В принципе, в этом обращении риска не было никакого. Если бы он сейчас на меня вытаращился и сказал, что не понимает, о чем речь, я бы ответил, что ошибся, и на этом всё. Но парень повел себя правильно. Встряхнув головой, прогоняя сонную одурь, удивляться не стал, лишь спросил:

— Куда?

Я ткнул пальцем, и водила вытянул шею, пытаясь разглядеть указанное, а потом, просяще глянув на меня, выдал коронную фразу всех бомбил моего времени:

— Слушай, браток, дорогу покажешь?

Хрюкнув от неожиданности, но быстро взяв себя в руки, я солидно кивнул:

— А то ж! Только у меня бойцы с собой, так что ты не сильно газуй, чтобы они не потерялись. Нам тоже в ту сторону надо...

Парень, невзирая на важную профессию, оказался вполне компанейский, поэтому сразу предложил:

— Так пускай в будку лезут. У меня там удобно. Даже скамейки есть.

Морпехи, стоящие рядом, кивнули и быстро загрузились, куда указано. Остался лишь Димка Потоцкий. Кто-то ведь должен будет показать кожаным, куда их «мотор» делся. На мгновение у меня мелькнуло было сомнение насчет его «афганки», которая могла вызвать подозрения у противников, но потом я махнул рукой. Здесь такие кители еще не видели, а на газетных фото наши куртки почти неотличимы от английских мундиров, в которых сейчас толпы народа ходят. Так что лишних вопросов не должно возникнуть.

А мы поехали в ту сторону, откуда совсем недавно появились. Просто, когда еще шли на вокзал, совсем недалеко отсюда я видел шикарный тупичок, представляющий собой идущее вдоль глухих высоких заборов ответвление от основной дороги, которое упиралось в рельсы. А еще дальше виднелись кусты, за которыми скрывались какие-то хозпостройки. И вот гляди ж ты, не прошло и пятнадцати минут, как нам эти данные пригодились.

Пока ехали (что тут ехать — триста метров), сидящий за рулем парень в процессе непринужденной болтовни, пару раз искоса глянув на меня, поинтересовался:

— Слушай, товарищ, что-то мне твоя физиономия кажется очень знакомой. Может, встречались где?

Я покладисто кивнул:

— Может, и встречались. Москва ведь городок махонький, тут почти как в деревне — все друг друга видели или знают. — Улыбнувшись, показывая, что это была шутка, переключил внимание на знакомый съезд в тупичок и сразу порекомендовал: — Ты лучше здесь развернись и сразу туда задом сдавай.

Пока водила корячился задом по узенькой дорожке, мы молчали (для нынешних времен езда задним ходом — ответственнейший процесс), а когда наконец мотор был заглушен, поинтересовался:

— Слушай, а ты этих парней в кожанках хорошо знаешь?

Парень, за время пути рассказавший, что сам он работает водителем разъездного транспорта в гараже Моссовета, а на сегодня его придали людям из военной комиссии, пожал плечами, недоуменно ответил:

— Ну... пару раз раньше видал. А чё?

Я пожал плечами:

— Ничего... Просто сдаётся мне, что они очень странные. — Водила удивленно вскинул брови, желая пояснений, а я продолжил: — Ты, браток, сам по суди... Знаешь, кого они там арестовать хотят?

Тот кивнул:

— Говорили, что какого-то мошенника, который себя за красного командира Чура выдает. И что...

Но продолжить он не успел, так как в начале тупика появились «кожаные», сопровождаемые Потоцким. Москвичи на ходу о чем-то спорили, размахивая руками, а увидав грузовик, вообще неприлично разорались, матерно вопрошая: какого, мол, хрена их шóффер, вместо того чтобы ждать на площади, уперся куда-то в далекие е...?

Водила удивленно глянул на меня — мол, «чего шумят?» — но я развел руками:

— Вот! Объяснял же тебе, что они очень странные.

При этом четверка, увидав нас, несколько замедлила ход, но судя по тому, что продолжила приближаться, ничего не заподозрила. Да и чего они мог-

ли заподозрить, кроме внезапного слабоумия своего шофера, который вдруг решил переехать на другое место? Да и я, натянув фуражку на нос, не опускал при этом от лица руку с папироской. Поэтому ловцы человек меня сразу и не признали. А то, что у них мое фото есть, даже не сомневался. Вон, для той же «Правды» меня столько раз фоткали, что зайти в редакцию и отпечатать снимок с негатива не составит никакого труда. Что-то до них стало доходить, когда до машины осталось метров пять, и я, глубоко затянувшись, отбросил папиросу в сторону. Отбросил и, шагнув навстречу, широко улыбнулся.

Главный из противников (я его еще на перроне приметил по громкости ора) сначала мазнул по мне безразличным взглядом, но секундой позже, вытаращив глаза, сбился с шага. И даже к оружию успел потянуться. Только вот зря. А вообще хочу сказать — как же я обожаю «маузеры» и их владельцев! Этот пистолет — brutальная статусная и дорогая вещь. Носят ее в деревянной кобуре, которая болтается у бедра на длинном ремешке. Выглядит все весьма солидно, но вот приведение его к бою занимает столько времени, что из того же «нагана» половину барабана успеешь выпустить. Поэтому я его владельца оставил напоследок, для начала двумя ударами уложив спутников. Потоцкий тоже клювом не щелкал, вырубая третьего. А владелец большой пушки только-только успел ее вытянуть из кобуры. Угу — теперь ему осталось лишь снять пистолет с предохранителя, взвести, ну а потом он, конечно же, всем ух как покажет! Только кто же ему даст Рэмбо из себя изображать? Без затей влепив «кожаному» под ложечку (он мне говорящий нужен, а не бессознательный), я без усилий выдернул оружие из

ослабевшей руки и передал тело выскочившим из-за грузовика ребятам.

А сам вернулся к транспорту. Водила, при виде происходящей на его глазах экзекуции, попытался было выскочить из-за руля, но стоявший рядом автоматчик не дал этого сделать. И теперь он сидел, вцепившись в руль, и, открыв рот, смотрел, как ребята слаженно избавляют противников от оружия, уволакивая тела куда-то за машину. Я же, плюхнувшись на сиденье рядом, продолжил разговор:

— Вот так вот, братишка... Пока мы на фронте немчуру с беляками гоняем, здесь контра махровым цветом расцвела. Это же надо придумать — «За Чура себя выдает!» — С этими словами я снял красную повязку, прикрывающую морпеховский шеврон, и, меняя фуражку на поданный одним из моих ребят берет, продолжил: — Сначала Владимира Ильича стрельнули, сделав так, чтобы на уголовников подумали, потом меня из Крыма выдернули. Думаешь, зачем?

Шофер, ошарашенно наблюдая за моим преобразованием, невпопад ответил:

— Не знаю... А вы кто? Не бандиты?

В этот момент появился Берг и, протягивая какую-то бумагу, сказал:

— Товарищ Чур, посмотрите, что у них было.

Тут водилу прорвало:

— Точно! Ты же Чур! Вот прямо как на портрете в «Правде»! Особенно в этом берете! Только почему такой обычный? Говорили, что он роста великанского и в плечах сажень косяя! Хотя не... — собеседник сам в себе усомнился. — На фотографиях остальные товарищи почти с тебя высотой. Значит, и ты нормальный... Так ты что — настоящий?

Я хмыкнул:

— Нет, мля, игрушечный. Сам подумай, какой дурак станет себя выдавать за комбата? Тебе про это и толкуют — поддельной телеграммой вызвали меня в Москву. Хотели арестовать да приморить. Хорошо, верные люди подсказали, что убить меня хотят. Но теперь я всех козлов на свет божий извлекать буду. Во — видал?

Показывая ордер на свой арест, подписанный Каменским, криво ухмыльнулся, обозначая шоферу свое возмущение по поводу беспредела московских контрреволюционеров:

— Сам замнаркома Госконтроля подписал! Так что прикинь, браток, на какой верх эти сволочи пролезли? Пролезли, а потом целую военную оппозицию организовали. Вроде как для недопущения бывших генералов в войска, а на самом деле вишь как оно выходит? Лучших бойцов Красной армии уничтожить хотят!

Впечатленный размерами предательства водила холостую открывал и закрывал рот. Я же, разыгрывая эту сцену, преследовал свои цели. Как бы там дальше ни пошло, этот парень ведь молчать не станет. И пойдут по Москве слухи гулять. А слухи — такое дело, что бороться с ними практически невозможно. При этом, кто такой Чур, народ хорошо знает (ну так еще бы — столько в газетах о его подвигах писать). Так что я в их представлении нечто среднее между Ильей Муромцем и Георгием, поражающим змея. Поэтому, когда люди узнают, что народного героя какие-то хмыри завалить захотели, то я этим хмырям не позавидую.

Ну а потом, оставив парня под присмотром автоматчика, пошел посмотреть, чего еще за это время

добыли мои ребята. Тем более что из будки доносилось громкое мычание, перемежаемое торопливыми словами. То есть процесс шел весьма активно. Заглянув внутрь, увидел, что мычит «кожаный» в свою модную фуражку (это когда его поторапливали с ответами), но колется весьма активно. Поэтому по итогам очень быстрого допроса выяснилось, что вороги планировали меня привезти в дом купца-миллионщика Хлынова, что в Чашинском переулке недалеко от Никитского бульвара. Привезти, упаковать и доложить о выполнении задания.

Ну, в общем, как я и ожидал — чекистов к этому делу подключать не решились, так как в этом случае могло возникнуть слишком много ненужных вопросов, вот противники и воспользовались своими силами. Именно поэтому и дом купца, и такие неумехи в группе захвата. Нет, чекисты тоже в массе своей пока не блещут, но эти уж совсем какие-то лохи. А уж если учесть, что все их действия были насквозь противозаконными (ну не было у них никаких прав меня арестовывать, даже если бы я был насквозь жуликом), то количество косяков за «оппозиционерами» возрастало с каждым шагом.

У меня же прямо наоборот — как командир отдельного специального подразделения Красной армии, я должен был немедленно пресекать все проявления контрреволюции, вплоть до расстрела на месте. Вот получается, что и пресекаю...

Далее Марк (так звали «кожаного») поведал, что он успел доложить по телефону о провале задания, и теперь его очень ждут для выяснения подробностей. При этом ждет не кто-нибудь, а сам Абрам Захарович. Также выяснилось, что при нем обычно

находится двое охранников, да в самом здании постоянно пребывает от трех до пяти человек.

В общем, что тут говорить — поехали мы в Чашинский переулок. Перед этим я дал распоряжение надеть все награды, поэтому восторженно косивший в мою сторону водитель всю дорогу не умолкая трещал, то выпытывая подробности наших геройств, то злобно ругая просочившихся в верха предателей.

Проезжая по Средне-Пресненской и увидав вывеску акционерного общества «Столярова и К°», попросил притормозить. «Гарфорд», пронзительно скрипнув тормозами, застыл возле входа, а я, пройдя внутрь, поинтересовался у сидящего за конторкой гражданина, где у них телефон. Тот, глядя на ордена и ремни амуниции, даже вопросов не стал задавать, тут же проведя меня на второй этаж. Там, отперев дверь, широким жестом указывая на большой черный аппарат с латунным чашечками, произнес:

— Прошу-с вас.

Сняв трубку и крутнув ручку, дождался ответа оператора (да-да, той самой легендарной барышни), после чего попросил соединения с названным номером. А когда мне ответили, выдал несколько кодированных фраз и назвал адрес, где меня надо искать. После чего вежливо поблагодарив служащего «АО», спустился к машине. Ну вот. Дело сделано. Теперь Жилин в курсе, что я прибыл.

Хм, а вы что думали? Что отмороженный на всю голову Чур рванет в столицу самостоятельно разбираться с противником? В одну морду? Ага, как в том анекдоте — с голой пяткой против шашки. Ну уж нет. У нас с Жилиным были свои ходы на самые разные случаи жизни. Поэтому еще в Таганроге я, не афишируя, встретился со своим человеком — самым

обычным парнем, работающим на железной дороге. По-тихому передал ему текст послания для отправки в Москву. Конечно же не на имя и. о. предсовнаркома. Вовсе нет. Павел просто дал телеграмму своему «кузену». Текст совершенно нейтральный — насчет заболевшей тетушки и поехавшей ее проводить сестры. А уже в Ростове я получил подтверждение получения этой телеграммы (которое означало, что Иван в курсе моего выезда) и с чистой совестью отправился в столицу.

Так что сейчас мы будем действовать по второму варианту. При этом прикрытие и сам Жилин моим теперешним звонком уже извещены о месте, где все будет происходить. А это значит, что для некоторых неразумных «товарищей» тридцать седьмой год наступит несколько ранее, чем положено по календарю, и кровавая гэбня (в данном случае «кровавая матросня») начнет их заживо репрессировать уже сегодня. Возможно, не по одному разу. Они, падлы, мне еще и за Севастополь ответят. Хотя это вроде из другой оперы, но все равно ответят! Ну и заодно поймут, что в сторону Чура лучше косо не смотреть.

Глава 2

Дом купца утопал в цветах и липах, словно зефиринка в торте. Да и выглядел очень даже ничего — белокаменный, с какими-то декоративными башенками и здоровенным крыльцом чуть ли не из гранита. Красивый забор из кованых прутьев лишь подчеркивал тот факт, что у купчины был хороший вкус. Но в данный момент миллионщиком здесь не пахло, так как из открытого окна второго этажа доносились чьи-то

матерные вопли. Там, судя по всему, говорили по телефону и грозно распекали какого-то «товарища Зуйкина». При этом обороты были такие, что заслушался даже стоящий на другой стороне улицы извозчик. Ухмыльнувшись услышанному, я спросил у водилы:

— Браток, ты нас здесь подождешь или сразу к себе поедешь?

Тот, пребывая в предчувствиях наблюдения будущего интересного действия, решительно ответил:

— Мне путевку до вечера выписали. До восемнадцати ноль-ноль. Так что, товарищ Чур, с вами останусь. Вдруг вам еще куда надо будет проехать или какая помощь понадобится?

Кивнув, пояснил свою позицию:

— Вот и хорошо. Тогда мы троих пленных пока у тебя в будке оставим. И парня нашего, чтобы он за ними присмотрел.

— А четвертого куда?

Я пожал плечами:

— Ну кто-то же нам должен показать, где контрики сидят... — После чего, сойдя на густо усыпанную шелухой от семечек мостовую, негромко скомандовал: — К машине! Марка забирайте с собой. Журба — на охране остальных!

Дверь будки открылась, и через несколько секунд мы двинули к зданию. Кстати, с этим строением тоже интересная история приключилась. Сей пряничный домик, вполне официально, отжала себе группа партийных товарищей для различных неформальных встреч, превратив его в эдакий небольшой клуб для единомышленников. Точнее, в один из клубов, потому что подобных домов для самых разных партий, фракций, групп, группировок и даже просто заводских организаций в Москве было превеликое мно-

жество. В рабочее время там обычно было пусто, но вечерами народ собирался для встреч и дискуссий.

Вот нас и хотели притащить в эту купеческую недвижимость днем, пока там почти никого из непосвященных не было. Зато был шикарный подвал... И как я ржал, когда узнал, кого же именно послали арестовывать легендарного Чура! Нет, и среди оппозиции были неплохие спецы, но они все в основном пребывали на фронте. Вот тут и возник вопрос — кто будет вязать зловредного морпеха? Ну не руководству же ехать? Чекистов к этому делу не привлечешь. С вояками тоже связываться чревато. Поэтому Каменский, снабдив грозной бумагой, послал тех, в ком был уверен и кто не стал бы распускать язык. А именно — трех порученцев и адъютанта. Сука! Он бы еще секретаршу на задержание направил!

Но, с другой стороны, ожидали-то они всего двоих. Да плюс заручились поддержкой комендантского взвода на вокзале. Так что расчет был достаточно верный. Скрутили бы нас там в любом случае. Только вот не срослось... Поэтому сейчас адъютант имеет бледный вид и связанные руки, а мы, с оружием и решительным настроем, поднимаемся по ступенькам.

Сразу за большой резной дверью наткнулись на вахтера. Ну, или не знаю, как назвать человека, сидящего за столом возле входа. Судя по тому, насколько быстро он выдернул палец из носа, вахтер был занят добыванием козявок, но увидев нас, ментально прервался и, незаметно вытерев палец о штанину, вежливо спросил:

— Товарищи, вы к кому?

Я в ответ не менее вежливо пояснил:

— Мы к гражданину Каменскому Абраму Захаровичу. Он же здесь находится?

С ответом попкарь замешкался, так как разглядел в толпе слегка помятого Марка и недоуменно спросил:

— Э-э... но это же наш товарищ — Марк Пукерман! Почему он связан?

Подняв палец и акцентируя на нем внимание собеседника, я многозначительно и исчерпывающе ответил:

— Потому что! — выдержав паузу, продолжил: — Но я не услышал насчет Каменского. Он здесь?

Вахтер, растерянно кивнув, промямлил:

— Да... на втором этаже, в кабинете должен быть... А вы из военной коллегии?

Я отрицательно мотнул головой:

— Мы из морской пехоты.

И обращаясь к парням, приказал:

— Соболев, Ивлеев, Пузякин — контроль входа. Мага, Берг — за мной. Остальные — проверка здания. — И слегка пихнув Пукермана, предложил: — Веди, Сусанин.

По широкой лестнице, покрытой темно-синей дорожкой, прижатой к ступеням латунными штангами, поднялись наверх. А потом, следуя указанию печального Марка, я без стука открыл одну из дверей. Первое, что увидел, был здоровенный стол, за которым восседал какой-то взъерошенный тип гражданской наружности. Второй, в форме без знаков различия, показался смутно знакомым, но вспоминать его не было времени, так как гражданский вытаращился на меня и, перебегая взглядом то на Пукермана, то на моих парней, сипло произнес:

— Это... это как?

Ха, а он меня знает! Вон как задержался. Поэтому без особых сомнений я выдернул из кармана ордер

на свой арест и, пустив лист по столу, задал простой вопрос:

— Твоя подпись?

Пока тот разворачивал бумагу, в разговор вмешался хмырь в форме:

— Товарищи, вы кто такие? И по какому праву сюда ворвались?

Военный (или не военный?) все-таки очень кого-то напоминал, поэтому на всякий случай я культурно пояснил:

— Я — Чур. Да, да — тот самый командир батальона морской пехоты. А насчет того, зачем сюда пришли... Просто мне очень интересно, зачем эта падла меня выдернула с фронта и почему хотела убить?

Каменский возмутился:

— Что за бред! Никто вас не собирался убивать!

Быстро сблизившись и несильным ударом в лоб уронив оппонента вместе со стулом на пол, я шипяще произнес:

— Ты, контра, это трибуналу рассказывать будешь. Хотел или не хотел... Вот у меня подложная телеграмма. Вот ордер на мой арест. Так что, кранты тебе, гнида! За покушение на убийство красного командира тебе мигом лоб зеленкой намажут! Чтобы пуля инфекцию в башку не занесла!

Стоящий в стороне военный, увидев экзекуцию, схватился было за кобуру, но тут же согнулся, получив от Чендиева крепкий удар между ног. И тут же разогнулся, поймав вторую плюху мягким кавказским сапожком по физиономии. После чего довольный Мага уселся на поверженного противника сверху и принялся сноровисто освобождать слабо сгибающееся тело от оружия. Хотя (судя по мелькнувшей часовой цепочке) не только от оружия.

А сбитый с ног гражданский, отпихивая от себя стул, попытался встать. Но я не дал этого сделать, наступив ему на ногу и рывкнув:

— Лежать, тварь! Вот леж и рассказывай, кто еще входит в ваше контрреволюционное кубло? Колись, а то я тебя прямо здесь на ленточки для бескозырок пушу!

Такое впечатление, что Каменского очень давно не били. В смысле вот так, без затей, прямо на дому. Может быть, он и героический подпольщик, не боящийся смерти, но сейчас человек просто потерялся. Поэтому глянув на склонившуюся над ним озверевшую морду и увидев нож в моей руке, Абрам Захарович завопил:

— Вы с ума сошли! Уберите нож!

Но вместо этого, уперев тупую сторону лезвия под подбородок «оппозиционера» и усиливая нажим, скрипя зубами (для большего устрашения), я прохрипел:

— Гаплык тебе, если молчать будешь. Вот как «ноль» скажу, так и умоюсь твоей кровушкой! Пять. Четыре. Три...

Сказать «два» не успел, так как «пламенный революционер» от столь сурового наезда тут же раскололся:

— Нет! Прекратите! Никто вас убивать не хотел! Мы просто думали вас задержать и обменять на товарища Зильберт!

Убрав нож от шеи и уперев его кончик под нижнее веко, я напористо рывкнул:

— Мы? Кто это «мы»? Фамилии! Фамилии давай, а то зрения лишу! Будешь, падла, на ощупь кишки в брюхо запихивать!

В общем, что такое легкий (даже без членовредительства) экспресс-допрос, Каменский тоже не знал.

Наверное, в полиции, где допрашивали героического подпольщика, такого не практиковали. А я, не давая ему собраться с мыслями, гнал и гнал вопросы дальше, на ходу придумывая сбивающие с толку дикие обвинения, перемежаемые не менее дикими угрозами и ломая на корню попытки хоть о чем-то умолчать. Сидящий за столом Берг едва успевал записывать.

А прервал нас шум нескольких подъехавших машин, и буквально через пару минут в дверях появился Соболев, который несколько растерянно доложил:

— Командир, там товарищ Жилин и с ним еще какие-то люди...

Внутренне подивившись (ну надо же — мои орлы задержали самого председателя СНК прямо на входе), я махнул рукой:

— Пропустите всех.

Козырнув, Славка исчез, и вскоре вместо него нарисовался Иван. «Каких-то людей» тоже хватало, так как помимо Жилина в кабинет ввалилось человек пять. И почти все были мне знакомы! Уж Держинского не узнать было невозможно. Правда, он был не в шинели, а просто в гимнастерке, но вот это острое лицо и дон-кихотовская бородка не оставляли никаких сомнений в определении личности. Следом за ним шел Мишка Леонтьев — порученец Жилина. Еще двоих не знал (скорее всего, парни из чекистов), зато вошедший предпоследним заставил удивленно цыкнуть зубом. Надо же, какая встреча! Нас посетил будущий лучший друг советских физкультурников и шахтеров! Без трубки, но зато в усах! Лично товарищ Сталин. Иосиф свет Виссарионович. Правда, ему сильно не хватало привычной по фильмам вальяжности, и сейчас «дядя Джо»

выглядел просто немного состаренной и чуть более облагороженной копией Маги. Во всяком случае, блеск в глазах и порывистость движений не оставляли никаких сомнений — такой ножом пырнет, даже не поморщившись. Абрек абреком.

При виде вошедших связанных вояка, заелозив на полу, начал мычать сквозь кляп, а Каменский завопил:

— Товарищ Дзержинский! Слава богу! Уберите от меня этого сумасшедшего! Он здесь...

Но получив легкий пинок от Чендиева, замолк на полуслове. А я, привычно козырнув, сказал:

— Здравствуйте, товарищи! Очень хорошо, что вы пришли. Особенно рад Феликсу Эдмундовичу. Мы тут немного вашу работу выполнили, так что можете принимать субчиков для дальнейшей обработки. — Взяв у барона листы, протянул их главе ВЧК. — Вот список членов подрывной контрреволюционной организации, часть из которых проникла в структуры руководства республики.

Подняв брови, Дзержинский взял бумаги и, мельком глянув на них, тихо спросил:

— Контрреволюционной? А в чем конкретно вы их обвиняете?

Я, злобно покосившись на лежащего Каменского, четко доложил:

— В попытке развала регулярных частей Красной армии Южного и Крымского фронтов. В попытке помощи украинским националистам и немецким оккупантам в их действиях, предпринятых для захвата Черноморского флота. В попытке убийства командира подразделения Красной армии.

Главный чекист от столь лихого наезда опешил:

— Это очень серьезные обвинения. А доказательства у вас имеются?

Я кивнул:

— Разумеется! Во время подготовки к рейду по тылам противника вражеская агентура, прикрываясь документами от ВЦИК, проникла в отдельный батальон морской пехоты, где призывала командование избавиться от части ротных и взводных командиров. Тем самым желая подорвать боеготовность подразделения. Также они призывали рядовой состав к неподчинению. Тем самым пытаюсь полностью разложить батальон. А когда эти агенты были арестованы и осуждены решением трибунала, их московские главари ударились в панику, решив обезглавить готовящуюся к боям воинскую часть. Вот подложная телеграмма о вызове меня в столицу. А вот ордер на мой арест. То есть эти люди были глубоко разочарованы провалом своих поделщиков на фронте и решили отомстить, вызвав меня в Москву, где думали арестовать и уничтожить.

Абрам Захарович трепыхнулся под ногой:

— Это навет! Не верьте ему, товарищи! Никто никого убивать не собирался!

Но тут вмешался Жилин. Брезгливо оглядев поверженных оппозиционеров, он предложил:

— Товарищ Чур, сойдите с товарища Каменского и скажите своим людям, чтобы они развязали товарища Ворошилова. И кляп из него выньте. А то мычит чего-то, а о чем мычит, непонятно...

Повинуясь просьбе главы государства, противники были подняты и усажены за стол. К этому времени у Ворошилова (так вот почему он мне показался таким знакомым!) перестала заклинивать челюсть, и он разразился замысловатыми ругательствами. Нет, до моих матросиков ему было далеко, но видно, что человек старается. Правда, слушали

его не долго — буквально несколько секунд, после чего я, сделав два шага, наклонился над моментально замолчавшим скандалистом и веско произнес:

— Не на базаре. Перед тобой руководители правительства, а ты погаными словами тут всех кроеешь. Хотя... — Задумчиво почесав подбородок, я глянул в сторону Дзержинского, протянув: — Ворошилов... Ворошилов... Стоп! Он ведь тоже в списке есть? Ну, тогда понятно, чего из него говно льется. Не может вражина сдержатъ своей звериной ненависти!

Тут и Каменский и Ворошилов завопили на два голоса. Ну как завопили? Принялись отмазываться перед всеми, желая хоть как-то оправдать свою позицию. Жилин на пару с Дзержинским стали задавать вопросы, а сладкая парочка (печального Марка давно из комнаты выдворили), захлебываясь, пыталась объяснить.

Я же какое-то время посидел за столом, отпуская едкие комментирующие реплики, а потом, закурив, переместился к окошку, откуда молча наблюдал за происходящим. Как ни странно, ко мне присоединился Иосиф Виссарионович. Также достав очередную папироску (в комнате все дымили как паровозы), он какое-то время помолчал, слушая разговор, а потом, наклонившись к моему уху, тихонько спросил:

— Товарищ Чур, ви действительно прыговорылы к расстрелу товарища Зильберт?

Отрицательно мотнув головой, я спокойно ответил:

— Нет. Ее приговорил трибунал.

Сталин, задумчиво вздохнув, решил взять меня на понт:

— Но на втором съезде смэртная казн была от-мэнена...

Я покачал пальцем:

— Кроме как за активную контрреволюционную деятельность, убийство и разбой¹. Кстати, гражданка Зильберт была приговорена именно за КРД.

Не смутившись отлупом, собеседник уточнил:

— Но она жива?

Я вздохнул:

— Жива... чего ей сделается? Но если через три месяца позицию не поменяет, то приговор будет приведен в исполнение.

Сталин на какое-то время задумался и тихо ответил:

— Я ее знаю. Она нэ поменяет своих взглядов... Но это вэрный товарищ. Настоящий революционер. Таких волэвых товарищей мало...

Выпустив клуб дыма, я в упор посмотрел на собеседника:

— Понимаю. В нашей жизни кадры решают всё. Их надо всячески беречь. Только ведь сейчас вреда от нее гораздо больше, чем пользы. И я даже не знаю, куда эту пламенную особу можно пристроить, чтобы ее деятельность не разрушала все, что мы создаем.

Тот помолчал и неожиданно выдал:

— А если я... Лычно я возьму ее на поруки? Я знаю, чэм ее можно занят. Ви мнэ доверяете?

Вот офигеть! До этого наши пути никак не пересекались, только по газетным статьям друг о друге могли судить, а тут сразу — «доверяешь?». С другой стороны, зная кавказский менталитет, сказать «нет» сейчас, это вот так вот с ходу испортить отношения

---

¹ Реально смертная казнь была полностью отменена на 2-м съезде Советов 28 октября 1917 года. Но 5 сентября 1918 года в связи с принятием решения СНК РСФСР «О красном терроре» восстановлена.

и занять если не врага, то стойкого недоброжелателя. Причем недоброжелателя, оскорбленного в своих лучших чувствах. На личностной, так сказать, основе. Блин... мелькнула было мысль просто предупредить Сталина, что это весьма серьезный шаг. Хотел привести в пример Михайловского с Бергом. Это когда Виктор, при взятии на поруки, голову свою в залог поставил. Хотел, но, честно говоря, быстренько передумал. Нет, нынешний собеседник пока и близко не напоминал одного из самых сильных правителей России, под руководством которого была выиграна страшнейшая война. Не напоминал он и человека, от воли которого ссался весь просвещенный Запад. М-да... не напоминал. Таким он станет (если станет) только лет через двадцать — двадцать пять. Но я-то знал, какой потенциал таится в этом грузине. И на пустом месте конфликтовать не хотелось. Тем более что «донна Роза» мне никуда не уперлась.

Поэтому на прямой вопрос просто кивнул:

— Вам — доверяю. Наслышан о вас от товарища Жилина. Так что можете ее забирать.

Собеседник важно наклонил голову:

— Благодарю.

Как культурный человек, я не стал напоминать о необходимости проведения повторного заседания трибунала о диссонировании предыдущих обвинений. Иосиф Виссарионович не дурак, он и сам догадается. Также не стал говорить и о том, что в списках оппозиции, надиктованных Каменским, фамилия Джугашвили тоже присутствовала¹. Вместо этого просто улыбнулся:

---

¹ И. В. Сталин реально одно время входил в военную оппозицию.

— Не за что. Только у меня встречная просьба будет.

— Сталин вопросительно посмотрел на меня. — Может быть, имеет смысл сразу договориться о правилах поведения на будущее? Так скажем, во избежание потерь нужных людей. Допустим, в вашей власти находится жизнь или свобода какого-то индивидуума. Но если за него поручился тот, кому вы доверяете, то человек должен быть отпущен. Хоть из тюрьмы, хоть от расстрельной стенки. Отпущен и передан товарищу, который за него поручился.

Собеседник задумался:

— В принципе, так можно сделать. А у вас что — уже кто-то ест на примёте?

Фыркнув, я отрицательно мотнул головой:

— Нет. На примете никого нет. Просто часто бывает так, что мы не можем оценить полезность определенного человека для какого-то определенного дела. И начинаем махать шашкой, не понимая его ценности. Вот как пример — товарищ Роза. Я бы ее шлепнул не задумываясь, потому как пользы от этой особы не вижу вообще. Но вы эту пользу явно видите. Не буду даже спрашивать, на каком направлении вы хотите использовать Зильберт, просто понимаю, что для вас это ценный кадр. А кадры, повторюсь, решают всё!

Сталин надолго замолк, лишь иногда раздраженно дергая щекой на особо громкие вопли, доносящиеся от стола, а потом тихо произнес:

— Хорошо. Ваше предложение — интересное предложение. И я готов его принять.

Я кивнул:

— Вот и славно. Так что в будущем, надеюсь, не будет казусов, подобных сегодняшнему. Не придет-

ся крутить странные операции, а достаточно просто телеграфировать о своем желании.

Виссарионыч мрачно посмотрел в сторону разборок и сокрушенно выдохнул:

— Нэ понымаю, чэм они вообщэ думали, когда это дэло затевали... Повэртэ, я об этом нэ знал...

— Верю.

Отделавшись одним словом, больше ничего комментировать не стал. А воспрянувший от моего короткого ответа собеседник тем временем стал задавать вопросы о наших действиях в тылах противника. Какое-то время пообщались, но потом пришлось прерваться, так как краем уха услышал спич Каменского и пошел обратно к столу. Разбираться. К этому времени наезды на залетчиков несколько прекратились, и Абрам Захарович оседлал своего любимого конька:

— Поймите, товарищи, царским офицерам не место в рядах Красной армии! Нам часто указывали, что ведение войны — это такая тонкая штука, что без военных специалистов мы никак обойтись не можем. Но на фронте им не место. Послать какого-нибудь генерала вести войну против однокашника, генерала Краснова — это все равно, что поставить охранять овец от бурого медведя серого волка... Пусть будут невинные ошибки наших доморощенных рядовых, — они менее принесут вреда, чем злостная, хитрая механика николаевских военных специалистов!¹

Я же, нависнув над столом, упер взгляд в замолчавшего Абрама Захаровича и спросил:

---

¹ Реальные (и на первый взгляд довольно здравые) слова Каменского, сказанные им в статье «Давно пора» 25 декабря 1918 года.

— Слушай, гражданин Каменский, ты действительно идиот или просто других за недоумков держишь? О каких генералах ты тут речь ведешь? Это и ежу понятно, что если сейчас во главе армии поставить царский генералитет, командирами дивизий, полков и так далее поставить царских офицеров и ввести жесткую дисциплину среди рядового личного состава, то мы получим пистолет, направленный нам в лоб! Тогда эта созданная нами армия нас же и сметет! Только вот почему ты говоришь исключительно о генералах? А?

Дзержинский заинтересовался:

— Не поясните, что вы имеете в виду?

— Конечно, поясню. — Выпрямившись, я ткнул пальцем: — Вот этот провокатор говорит исключительно о генералах, специально доводя ситуацию до абсурда. Но кто же их хочет видеть в Красной армии? Да никто! Нам они сейчас совершенно не нужны. Скажу за свою зону ответственности — на Южном и Крымском фронтах Фрунзе и Матюшин отлично справляются без всяких генералов.

Тут влез Сталин:

— Я что-то вас все равно не понимаю.

Остальные согласно закивали, и я, подняв руку, призывая к тишине, продолжил:

— Поясню на примере своего подразделения. Когда ко мне попала под командование сотня матросов, это был откровенный сброд. Они могли послать по матушке командира. Они могли не выполнить приказ. Они могли быть просто пьяными! При этом они же являлись наиболее сознательными революционными бойцами. То есть лучшими из тех, кто у нас вообще был. Только вот этих «лучших» три десятка офицеров в прямом бою положили бы,

не особо почесавшись! Просто за счет своего опыта, спаянности и дисциплины. Поэтому первое, что я стал делать — это наводить порядок в батальоне. А вот этот хмырь, — опять тычок пальцем в «оппортуниста», — отрицает армейскую дисциплину! Тем самым пытаясь выбить краеугольный камень основы любого воинского формирования!

Каменский решил вякнуть:

— Не так! Мы отрицаем царскую палочную дисциплину, призывая к осознанной революционной дисциплине!

Я отмахнулся:

— Хрень полная! Не зря ведь я вам сказал про «сознательных бойцов» и свои первые впечатления от встречи с ними! Так что уясните одно — в армии демократии быть не может! Ясно? А то, что необходимая воинская дисциплина дополняется революционной сознательностью, то это лишь увеличивает боевую стойкость подразделения! Это я вам ответственно заявляю, как командир одного из лучших подразделений Красной армии!

Дзержинский скупно улыбнулся (так, наверное, сотни лет назад улыбался сам Торквемада) и, поощрительно кивнув, поддержал:

— Не одного из лучших, а лучшего подразделения. Единственного, награжденного высшим орденом Советской Республики. Но вы продолжайте. Извините, что перебил..

Кивнув, я стал пояснять дальше:

— Что касается офицеров — их у меня вполне хватает. И каждый, прежде чем быть принятым на службу, проходил собеседование со мной, с комиссаром и в некоторых случаях с матросским комитетом. И в основном они все, слышите — все, начинали с рядовых!

Тут хитро сверкнул глазами Сталин:

— А как же Михайловский?

Я, сохраняя серьезность, доложил:

— Виктор Евсеевич Михайловский — бывший поручик Императорской армии. Один из немногих офицеров, что сразу получил взвод под командование, потому что не только являлся воинским специалистом высокого класса, но и по своим морально-волевым качествам быстро был принят матросским коллективом. Заостряю внимание — матросским! То есть с теми, кто офицеров резал с шутками и прибаутками! Но продолжим... На данный момент он трижды орденосец. Как и за что был награжден, вы все прекрасно знаете, так как каждый факт был описан в газетах, в частности в «Правде». Сейчас он, помимо основного дела, занят проработкой тактики применения небронированных и легкобронированных пулеметно-пушечных средств в маневренной войне. О степени доверия к нему говорит тот факт, что в случае выбывания из строя командира батальона его место занимает Михайловский. Данное решение подтверждено матросским комитетом и доведено до командования.

Тут я несколько не соврал, так как оставленный сейчас на хозяйстве Буденный нас рано или поздно покинет. Ему еще конную армию создавать. А Витька от батальона уже никуда не денется. После доклада мрачно обвел всех взглядом и, остановившись на Каменском, обличительно заявил:

— А гражданка Зильберт предлагала Михайловского выгнать из армии. И будь ее воля, так вообще расстреляла бы героического краскома. Просто за то, что он бывший офицер. — После чего, добавив злобы в голос, продолжил: — Вы, твари, вообще соображаете, что творите?

Абрам Захарович прокашлялся:

— Скорее всего, вы с товарищем Розой друг друга не совсем поняли и...

Я перебил:

— Поняли мы друг друга отлично. У меня даже свидетель есть. Вот он — Евгений Берг. Орденоносец. Начинал в батальоне рядовым. Сейчас — командир отделения. И его роль в захвате вражеского бронепоезда тоже очень хорошо в «Правде» описана! Так что этот герой врать не станет. Поэтому — не надо ля-ля!

Ворошилов попытался исправить ситуацию, переобуваясь на ходу:

— Хорошо. Насчет младшего офицерского состава мы готовы обсудить ваши предложения. Но ведь в основном наши опасения были связаны с высшими чинами...

Я ухмыльнулся:

— Полковник Матвеев (тут чуть приврал насчет звания) помначштаба восьмой армии, после освобождения из немецкого плена, служил в батальоне рядовым во взводе обеспечения. Служил и не жужжал! При этом показал себя так, что когда заявление о вступлении в нашу партию подал, то рекомендацию ему дал сам комиссар Лапин! Это показатель? И сейчас он у меня — начальник штаба. А насчет генералов скажу так — их на всю Россию было меньше четырехсот человек. И из-за этих четырех сотен вы хотите угробить всю нарождающуюся Красную армию? Не выйдет! Что же касается обсуждения предложений... Хватит! Вы уже дообсуждались! Еще месяц назад в этих дебатах была поставлена точка. И если вздумаете продолжать, то со всей пролетарской ненавистью заявляю: лично тебе и тебе уши отрежу!

Каменский, поперхнувшись, завопил:

— Товарищи, да что же это такое? Что за варварство? То он нас ножом пугал, теперь уши грозит отрезать. А потом что? На кол захочет посадить?

Жилин хлопнул ладонью по столу:

— Хватит! Хватит предлагать свои идеи товарищу Сварогову! У него и без вас фантазия богатая! Вон — украинские националисты до сих пор толком не могут понять, как именно он уничтожил все руководство ударного корпуса. Ни ран, ни синяков, просто шеи как у курят свернуты! Так что я на вашем месте бы сильно задумался. Тем более что товарищ Чур если чего-то обещает, то всегда сдерживает свои обещания. Об этом уже вся страна знает. И только вы не в курсе!

Я же мрачно добавил:

— На кол? Хм... Что скажу — если ушей не жалко, то хоть задницы пожалейте! — а после паузы продолжил: — Поэтому предлагаю вообще закончить все разговоры по этому поводу. Есть решение правительства. Есть утвержденный устав. И пока Владимира Ильича не ранили, никто из этих хмырей и вякнуть не смел! А теперь что — гидра контрреволюции почувствовала нашу слабость и решила поднять голову? Так мы эту голову снесем в момент! И начнем прямо сейчас!

Насчет «вякнуть» я, конечно, несколько загнул, так как оппозиционеры и при Ленине воду мутили весьма активно. А особенно взвыли после того, как было принято решение, что бывшим офицерам, вступившим в Красную армию на любую должность, еще и доплачивали за последнее звание. Причем вилка была от восьмидесяти и аж до двухсот рублей. Прикидываю, какие по этому поводу в верхах шли

дебаты, но победило мнение Жилина, который на пальцах разъяснил, что лучше сейчас платить парутройку миллионов в месяц, чем в боях с этими же людьми терять в десять раз больше. Плюс он учел инфляцию, которая показывала, что к началу следующего года счет пойдет не на рубли, а на десятки тысяч, поэтому выплаты превратятся в пшик. Но зато в результате этого маневра мы выиграем необходимое время. «Товарищи» тогда побыковали, но довольно быстро угомонились. Тем более что деньги реально были, так как царский золотой запас жилинцы успели перетащить в Москву.

Но теперь «военная оппозиция» решила, пользуясь случаем, трепыхнуться. Ничего... трепыхалки пообломаем. И думаю, что после сегодняшнего граждане революционеры поймут, что в этом мире есть люди, еще более отороженные на голову, чем они. Причем — люди действия. Поэтому я и вел себя так, будто в любую секунду могу сорваться, крошив «врагов» в мелкую капусту. И судя по всему, это получалось хорошо, так как после моих слов даже сам Дзержинский несколько взволновался:

— Товарищ Сварогов, не надо торопиться с выводами. Все должно быть по закону.

Я кивнул:

— Полностью поддерживаю! Поэтому предлагаю всех разработчиков и участников данной провокации немедленно предать суду трибунала за контрреволюционную деятельность и попытку покушения!

Тут поднялся шум, в котором все приняли активное участие, и через какое-то время начался торг. В результате договорились — оппозиция больше своих эмиссаров в войска не посылает. Палки в колеса не вставляет. Что дискутировать это нор-

мально, но хоть какие-то реальные действия можно предпринимать только лишь при предварительном, документально утвержденном полном согласии сторон. Любая партизанщина будет караться. Вообще говорили много и о разном, но в конце концов пришли к какому-то знаменателю. К этому времени я уже перестал взрыкивать, бросая на оппонентов кровожадные взгляды. А уже на последних минутах вдруг выяснилось, что вот этот великолепный особняк отходит мне, так как отныне тут будет размещено представительство морской пехоты Российской республики. При этом никто даже особо не возражал. Я, чтобы не выглядеть идиотом, держал морду кирпичом и лишь кивнул, принимая это решение.

В общем, противники обделались легким (или не очень легким) испугом, я показал себя столичному люду и на этом все закончилось. Единственно только непонятно — зачем Жилин насчет этого купеческого домика вопрос поднял? Какое на фиг «представительство»? С другой стороны, как точка для базы и связи должно получиться вполне нормально.

* * *

А потом все разъехались. Четыре стоящих на улице автомобиля приняли в себя высокопоставленных пассажиров. Ну а остальные, которые чином поменьше, разошлись пешком. Их, помимо плененной четвёрки, еще пятеро оказалось. При этом, отпуская Марка со товарищи, я, ласково улыбаясь, порекомендовал в следующий раз не влипать в подобные блудняки. В противном случае они могут не досчитаться каких-то важных частей тела. Те, кажись, прониклись. Во всяком случае, стояли бледные и кивали так, что я думал, у них бошки поотваливаются.

Но нет — шеи оказались крепкие. Ну а дальше, словно в песне: «Испортив воздух, фраер, как иллюзионист, под стук колес моментом испарился». Стук колес правда не было, а то, что кто-то из бывших пленных оказался несколько не сдержан, так это может быть, просто съел чего-то не то. Но испарились они реально быстро. Без всякой брочки, до ближайшего перекрестка пролетели буквально за несколько секунд. Вот что значит правильное понимание команды «Бегом марш!».

Когда особняк опустел, мы занялись осмотром трофея. Ну чего тут говорить? Одно слово — шикарно! Сам дом был двухэтажным, с большим подвалом и аж тремя входами. Обстановка не разграблена. На территории обнаружилось еще что-то типа гостевого домика на пять комнат, конюшни, гаража, двух кирпичных сараев и бани. В общем, неожиданное приобретение мне понравилось. Тем более что его с завтрашнего дня берут под охрану коменданчи из московского гарнизона. Ну, на первое время. Потом мы можем прислать своих людей. Также порученец Жилина выдал нам бумагу о постановке на довольствие. При этом Мишка передал еще и бумагу с адресом, шепнув, что сегодня, после двадцати двух меня там будут ждать. Передал и побежал догонять своего шефа.

Часам к пяти на брочке появились трое чекистов, которые, показав мандат, извлекли из стоящего в большой комнате сейфа какие-то бумаги. После чего ключи от неподъемного изделия «братьев Смирновых» были любезно оставлены нам. Что там за документы были, я даже не поинтересовался, так как в подобных местах вряд ли бы хранили что-то серьезное. Так что не видел смысла доставать вопро-

сами ребят Дзержинского. Ну а ближе к назначенному времени, в сопровождении Берга и Маги (который, к слову сказать, так и не вернул Ворошилову часы), поймав извозчика, мы покатали по назначенному адресу.

Глава 3

После обнимашек с Жилиным мы уселись за красивый письменный стол, освещаемый светом лампы с зеленым абажуром (мода тут, что ли, на такой цвет?), и, после взаимного освещения последних новостей, постепенно перешли к более живо-трепещущим вопросам. Лично меня очень сильно заинтересовало, с какой стати эти недоделанные оппозиционеры настолько потеряли берега, что рискнули схлестнуться с самим Чуром. Седой, еще когда я задавал вопрос, начал улыбаться, будто Чеширский кот. Я, глядя на этот радостный оскал, сразу почувствовал подвох, и Иван с готовностью подтвердил мои подозрения. В общем, что сказать? Нынешний глава СНК вполне поднаторел в подковерной борьбе, поэтому в данном случае выступил самым натуральным козлом-провокатором.

Изначально «оппозиционеры» и не чаяли хоть как-то цеплять легендарного комбата. Им такое даже в голову не приходило. Ужаснувшись возможной печальной участи «донны Розы», эти орлы поначалу сильно перевозбудились (читай — запаниковали), а потом приняли довольно верное решение — собрать представительную делегацию и двинуть в Крым для попытки вызволения боевого товарища. Так сказать, глаголом растопить камен-